

А. К. Секацкий

Франц Кафка: опыт поэзии и перевода

Aleksandr K. Sekatskiy

Franz Kafka: the experience of poetry and translation

Перевод и публикация «поэтического наследия» Кафки, осуществленная Ольгой Рощиной, заслуживают вдумчивой оценки. Одновременно невинные и затейливые филологические упражнения чем-то притягивают, даже если предполагается, например, что стихи Кафки, музыкальные опусы Ницше и арифметические «фокусы» Пушкина находят-ся в одном ряду и как бы не имеют прямого отношения к тому, чем дороги нам перечисленные авторы, эти упражнения похвальны, ибо свидетельствуют о том, что человеческий дух находится в состоянии бодрствования и не омрачен чем-то таким, что является для него чем-то абсолютно посторонним. Если включена подсветка работающего сознания, индикатор самовозрастающего Логоса – речь всегда идет о преумножении эрудиции, которая подчиняется важнейшему для гуманитарных наук принципу **чтоб было**, т. е. является самодостаточной.

Допустим, что перед нами «факультет ненужных вещей», если воспользоваться замечательным названием романа Юрия Домбровского. Тогда следует сразу же заметить, что добросовестная работа, изящно выполненная на факультете ненужных вещей, достойна уважения. Она ведь вдохновлена странной любовью к странному предмету и способна заразить этим плодотворным чувством. Но перед нами еще и прихотливое пересечение рядов – таких, как культура филологии, искусство перевода и значимость Кафки. Кем же предстает в новом свете создатель Грегора Замзы, автор «Процесса» и «Замка», узник собственной литературоцентричной жизни?

Он предстает проводником двойного назначения.

Во-первых, проводником к месторождению собственной поэзии, которая как бы заново создана благодаря ее извлечению из рассеянности в черновиках и письмах и способна вызвать повышенное внимание читателя. Переведенные и собранные вместе стихотворения включают режим максималь-

ного благоприятствования, который дорогого стоит – просто текущая современная поэзия никогда не может рассчитывать на этот режим. Отсюда ее обреченность на катастрофические потери, лишь отдаленно и косвенно связанные с ее собственным качеством. Случай Кафки, с которым мы имеем дело сейчас, доказывает, или, лучше сказать, демонстрирует, что поэзия пишется ретроспективно. Сначала должно что-то сработать, должны сойтись обстоятельства признанности, чтобы стихи уже как бы написанные и заявленные, появились вновь, уже надолго, и были бы, наконец, прочитаны. Как и в случае Кафки:

Ты не брал никогда воды из глубин
колодца
Что там за вода?
Что там, в колодце?

Там вода, имеющая необыкновенные целебные свойства. И все же предлагаемая поэзия, собственно, небольшая подборка стихотворений, глубока не сама по себе, а потому что извлечена из глубин. Каждое стихотворение светит отраженным светом признанности, то соответствуя, то не соответствуя ожиданиям – но эффект настоящей поэзии тем не менее возникает, возникает даже в русском переводе (Ольга Рощина справилась с задачей). И это значит, что **поэзия прямого действия** всегда представляет собой исключение, указывая даже не столько на пронзительность таланта, сколько на высшую форму благосклонности мира. «Остальная» поэзия именно ретроспективна, она всплывает из глубин или обнаруживает свои глубины под давлением, под воздействием суммы разнородных обстоятельств. Как это ни парадоксально, но авторство ретроспективной поэзии можно заслужить, причем не только как награду за подвиг, но и как знак отличия за безупречную жизнь, жизнь, посвященную производству символического.

И ведь что важно: здесь нет никакого обмана, читатель получает обещанное удоволь-

ствие от текста, чарующее воздействие поэзии неподдельно. Ибо оно в значительной мере обеспечено как раз благосклонным вниманием априори, т. е. самой готовностью внимать, терпением, волей к вслушиванию. Просто дело в том, что текущая поэзия ничего подобного автоматически активировать не может – разве что неимоверностью таланта, сугубой личной заинтересованностью или уникальным совпадением настроения. Но, если знаки отличия присоединены, выигрывает и сам читатель, он может вознаградить себя, как в данном случае, и игрой сравнений, сопоставляя русский перевод с немецким текстом, и тем, что совершает карьеру умного читателя и – действительным поэтическим эффектом.

И это во-первых. А во-вторых, извлеченные стихотворения ведут в Прагу, что странно, так как в них нет ничего такого, ни пейзажей, ни имен, ни даже намеков на городскую топографию или историю. Однако они, эти стихотворения, расширяют общее пространство текстуальности Франца Кафки, подчеркивая, что место действия есть некое случайное место под небом – такое, где все не для меня, где «край дождями покинут», где меня, само собой, и не ждали, хотя никто и не гнал: ну пусть себе поживет до поры до времени.

Стихотворения усиливают ощущение безместности, неприкаянности, важнейшую составляющую **кафкианской реальности**, кафкианской атмосферы, мало пригодной для обитания человека и все же населенной людьми. Все не родное: внутри Праги есть своя Прага, где говорят по-немецки, где ты к тому же еврей – и мало того, все и всё подчеркивают твою непригодность ни к чему, как бы арендованность города, дома, тела, языка. Кафка пишет очень простым немецким, почти без местных особенностей, в его языке нет ничего присвоенного, только арендованное, и поэзия его не «ворованный воздух», как определял эту стихию Осип Мандельштам, а воздух, арендованный на неопределенных условиях для нескольких ближайших вздохов...

И вот из суммы чужеродности, из подчеркнутой простоты всего заимствованного создается **вечно краткосрочный** приют странствующей души, некое устойчивое экзистенциальное настроение, которое никто не смог выразить с такой лаконичностью и точностью, как этот писатель. Настроение не поддается присвоению и дальнейшему уточнению, и приходится попросту говорить: да это же Кафка...